

Александр Валентинович Амфитеатров

Летавица

Александр Валентинович Амфитеатров

Летавица

Аннотация

«Синяя ночь...

Такие ночи только в Украине и бывают. Небо – точно оно живое и дышит – тихо трепещет от мерцания звезд, под ними важно плывет огромный золотой месяц, с его круглого лица падает в бездну ночи поток молочного света, и вся воздушная пропасть как будто насквозь пропиталась жидким серебром...»

Содержание

Александр Амфитеатров

Летавица

Синяя ночь...

Такие ночи только в Украине и бывают. Небо – точно оно живое и дышит – тихо трепещет от мерцания звезд, под ними важно плывет огромный золотой месяц, с его круглого лица падает в бездну ночи поток молочного света, и вся воздушная пропасть как будто насквозь пропиталась жидким серебром.

Наплыла синяя ночь на старую Корсунь¹, нежит ее, лелеет и клонит ко сну. Корсунский замок, что еще Понятовских помнит, купает свои высокие башни в свете луны, а зубчатую брану² – в прохладе туманов, и его белые стены позеленели под месяцем, все равно как и мазанные мелом хатки – там за шумную Росью, на церковной горе.

Спят хатки, спит замок, спит дремучая дубрава – сад вокруг него, – хмурое, неподвижное море кудрявых деревьев. Остроголовые тополя стоят – как монахи на молитве – черные, строгие, величавые. Одна Рось не спит – плачет и грохнет седую волной по каменным порогам.

¹ Корсунь – имение графов Лопухиных в Киевской губернии, когда-то принадлежавшее Понятовским. Корсунь играла важную роль в истории Малороссии. По дикому местоположению на скалистых берегах Роси, Корсунь – едва ли не самое красивое местечко Киевской губернии. (Прим. автора.)

² Ворота. (Прим. автора.)

Мало ль простора на Украине? Широко разлеглись ее зеленые степи, есть где разгуляться реке. И хорошо текут они, реки, степями: тихие, прозрачные, рыбные; бархатное дно, шелковые берега!.. Одна буйная Рось поссорилась с матерью-степью и ушла от нее в чертово гнездище – в каменные кручи и красные, точно казацкой кровью мытые, скалы: и откуда только выплыли они по-над украинскую ширью и гладью? Живет Рось в гнездище и жизни своей не рада: давит ее каменный берег, поперек горла становятся ей пороги, и она грызет их и точит волнами, как острыми зубами, а сама ревет от тоски и боли, словно девка, у которой жениха взяли в солдаты. И так – до тех пор, пока не осилит она гнездища, не вырвется из каторжной муки и не разольется, пониже Корсуни, гладким и быстрым потоком.

Рада Рось воле и простору: бодро бежит между казацкими могилами и сторожевыми курганами, что насыпали на степи в незапамятные времена неведомые люди, и шепчется с ними, зелеными, про старые и новые дни – про татарщину, про старого Хмеля, как он, батько казацкий, побил в Корсуни вражьих ляхов, про полковника Золотаренку, что спит в Корсунском храме, сраженный не простою – серебряной пулей, потому что был он характерник³, и не могли достать его ляхи ни свинцом, ни железом; про Железняка и его колиев... про москалей и новый мирный век...

Шепчет Рось... Слушают ее могилы; качаются в ней изу-

³ Колдун. (Прим. автора.)

мрудными пятнами небесные звезды; дрожат по волнам красным отблеском костры на прибрежных заливных баштанах⁴.

Старый баштанник Охрим тоже слушает Рось. Стар он... Господи Боже, как стар! Когда француз приходил на Москву, Охрим уже жениться думал, да на место того угодил под красную шапку. Как-то раз приезжал в Корсунь один панок из москалей, разговорился с дедом про стародавние были и насчитал Охриму все сто семь годов. А ничего еще – держится старик, крепкий дидусь! Мясо, конечно, Охриму уже не по зубам, и ходит он – попирается на клюку, спина дугой, но годов на десяток еще хватит места душе в теле!.. Только вот сон съела старость у деда. По целым ночам он зевает, охает и ворочается в своем курене. Скучно ему и боязно. Известное дело: ночью, во тьме, по земле ходит враг и сеет тоску, смуту и страхи. Обвеет деда предутренным ветерком, заря выглянет из-за дальних могил, выкрасит господский палец в розовую краску и, что дивчина в новом монисте, залюбуется собою в Роси, – разве-разве тогда сморит Охрима короткая дрема.

Нынче деду повеселее, чем всегда. Правнук ночует у него на баштане – Марко, славный хлопец. Прибежал с Корсуни к деду за кавунами⁵, да и опоздился, – не заметил за мовой

⁴ Огородах, бахчах. (Прим. автора.)

⁵ Арбузами. (Прим. автора.)

и байками⁶, как упали сумерки. Не идти же мальцу одному темною степью, где, коли верить людям, то и дело вспыхивают на могилах разными огнями свечи над скрытымикладами, да еще Бог весть кто и лежит в этих могилах! Может быть, такие злодеи и характерники, что и земля-то их не принимает и выбрасывает каждую ночь из своих недр бродить по свету жадными упырями... Оставил дед хлопца у себя и рад: любит старый Марку! Сказки ему рассказывать, кормить его кавунами, дынями, семечками, огурцами с медом до тех пор, аж потом хлопца хоть веди к корсунскому фельдшеру; майстровать Марке дудки, луки и самострелы – самое охочее для деда Охрима дело.

Тихо. Выползли старый и малый из куреня, развели костер, постелили рядом и лежат – дид под свитой, хлопец под кожухом. Охрим задумался, в огонь глядит, ворошит уголья клюшкой, а Марко лежит на спине, ручонки под голову, широко открыл карие очи и ищет в глубоком небе: где та зирочка⁷, что ему счастье ворожит? Много их, много ходит вокруг месяца, и все ласковые, все улыбаются и быстро-быстро мигают... А иная возьмет, сорвется с места, да и перекаатится на другое: только никак невозможно уследить, откуда она сорвалась и куда покатилась...

– Диду!

– А що, хлопче?

⁶ За разговором и росказнями. (Прим. автора.)

⁷ Звездочка. (Прим. автора.)

– Для чего зирки падают?

– Хиба ж упала?

– Много упало. Для чего?

– Осень скоро, Марко, для того и падают. Святые ангелы Божии лампы гасят. Осенние-то ночи пойдут мутные да черные, холодные да зябкие.

– Нынче тоже зябко, диду.

– А ты кожух на себя покрепче тyani: угреешься. Хочешь, кулеш сварю? поешь – тепло станет.

– Я сыт, дидуню!..

Старик замолчал и, подняв голову, тоже уставил взор в осыпанную зелеными искрами синеву.

– Звезды падают... ге! – задумчиво сказал он, – а кто знает, что оно такое? Разное говорят люди – чи брешут, чи ни... Один скажет, что это ангел летит со свечой, чтобы зажечь новую душеньку в христианстве. Другой – что коли звезда упала, то, значит, Бог прибрал кого-нибудь с грешной земли в свой светлый рай. Разное говорят... Ты, хлопче, не смотри много на звезды – нехорошо. Еще покойный батько – пером земля над ним! – учил меня: когда увидишь, Охрим, что звезда падает, крестись и – очи в землю! Бо бачь⁸, хлопче: и звезда от звезды разнствует... да!.. это, голубь мой, в Писании значится. Какую звезду и впрямь ангел Божий зажигает на радость и на пользу людям, а другая – хоть и светит ярко – только кажет звездой, на самом же деле и не звезда

⁸ Потому что, видишь ли. (Прим. автора.)

совсем, а так... проклятая летавица.

– Что, диду?

– Летавица, голубь, летавица.

– А что оно такое?

– Да... не к ночи сказать, не то чтобы вовсе нечисть, а недалеко от того...

– С рогами?

– Ни, хлопче! – протянул дед, – с рогами бесы... А о летавице мне москаль один говорил – тому лет уже полсотни, когда царь Микола замирял венгерца...

– Это которые с мышеловками?

– Так, так, хлопче!.. с мышеловками и всяким коробьём.

Как мы их замирили, тут они с коробьём и пошли... Так вот и говорил мне москаль о летавице: есть такие звезды, что живут на них проклятые души. Заскучает проклятая душа, захочет на землю – она и покатит с неба свою звезду, скинется дивчиной или парубком и бродит в народе, по злему нраву своему, сея грех между добрыми людьми. То и есть летавица.

– Диду, как же то может быть, чтобы на звездах жили проклятые души?

– А подивись на месяц, хлопче: що бачишь?

– Не знаю, диду.

– Каин Авеля на вилы подымает, Марко. Брат брата убил. Вот Господь и посадил его, бисову виру, на месяц, чтобы люди видели его во веки веков и ужасались такого злодейства. И

ты поверти разумом, Марко: если Каину можно жить на месяце, отчего летавицам на звездах не жить? Тому и на Литве⁹ тоже веруют. Знаешь лопацонов – белые колпаки, что приходят к нам работать на заводы? Так когда мы стояли в ихней земле, то и у них я про летавицу много слыхивал... все жалкое такое да сумное...

Дед примолк... Еще звездочка побежала по небу, оставляя за собой белый, быстро тающий след.

– Ишь какая красавица полетела, – сказал Охрим. – Кому-то навстречу, где-то упадет, кого-то погубит? Вот, хлопче, сказывают люди, что жил в старые годы на Волини паробок, звали его Дайнас. Веселый был и работающий. С зарей выедет с плугом новь поднимать – поет. Полдень, жарко, как в пекле, другие плугари еле плетутся по пашне, согнулись, как столетние деды, а Дайнасу хоть бы что. Идет прямой, как осокорь, утирает лицо рукавом и песни поет... Голос у него, хлопче, был звонкий да сильный, аж солнышку были слышны его песни... Вечером другие плугари с великой устали норвят как бы поскорее – на сено да под кожух, а Дайнас танцует с дивчатами и поет им думки про чумаков, да про пана Швачку, да про молодичю, що качура¹⁰ за копейку продала...

«Добрый ты паробок, Дайнас! – говорят ему люди, – пора

⁹ Поверье о летавице распространено у малороссов, литовцев и карпатских славян. (Прим. автора.)

¹⁰ Селезня. (Прим. автора.)

бы тебе и жениться...»

«Ге! – смеется Дайнас, – моя суженая еще в кольци¹¹ лежит!..»

«Что же ты загордился? Чем тебе наши дивчаты не хороши?»

«Как не хороши! Хороши, только не по сердцу».

«А кто же тебе, козаче, по сердцу?»

«Задумался Дайнас – ничего не сказал... Грустно ему стало, и что впрямь – который он год живет на свете, всем друг и товарищ, со всеми дивчатами тоже как брат родной, а нет между ними ни одной, что пришлась бы ему по душе так крепко, что не грешно с нею и под венец стать, и закон принять, и век вековать. Лег он под топодем – вот, к примеру сказать, как ты сейчас лежишь, хлопче, – и затянул сумную песню. Далеко пошла она по свету и взвилась до самых звездочек, что в ту пору по вечернему часу уже высыпали пастись в небе, как стадо белых ярок. Поет Дайнас – слушают звезды, и чудится Дайнасу, словно одна звезда, самая светлая и большая на всем небе, стала ближе к нему, растет, растет, да вдруг как сверкнет!.. и – пропала: только след от нее засветился на небе. А вместо звезды стоит пред Дайнасом дивчина такой красоты, что и не видано на этом свете: очи большие, синие, как вот это небо над нами, хлопче, и блестят, как звезды; была она простоволосая, а волосы... ге! то были волосы! – чистое золото! так ручьем и катились с головы

¹¹ Колыбели. (Прим. автора.)

до пят, так и горели под месяцем. И вся она сияла и сверкала, как самый дорогой самоцветный камень, и была такая белая, бледная и нежная, что показалось Дайнасу, будто она вся светится».

«Кто ты?» – спросил Дайнас.

«Чи не бачишь! дивчина... своей матери дочь!» – сказала она, и тихий голос ее прозвенел по степи, как колокольчик на графской упряжке.

«А для чего сюда пожаловала?»

«Твоих песен послушать. Пой, Дайнас, пой поскорее, да позвончее! Я из дома не на долгий срок отпросилась, дом мой и далеко и высоко...»

Запел Дайнас – слушает девица, улыбается, а у Дайнаса от ее улыбки сердце прыгает. Кончил Дайнас песню и сказал:

«Вот, дивчино! люди на селе смеются надо мной, что я не хочу жениться, а как было жениться, когда никого не было по сердцу? Теперь же смотрю я на тебя, и думается мне, что краше тебя уж не найти мне никого на свете. И если бы ты пошла за меня – не было бы счастливей меня человека. Часу нет, как я тебя зазнал, а вот все готов тебе отдать, только будь моею женой. Мабуть, то чары, но мне все равно, потому что очень ты мне любя! И если твой батька не согласится отпустить тебя в чужое село, я, даром что богатый хозяин, пойду к вам приймаком...¹²»

Дивчина усмехнулась и ответила:

¹² Примак – зять, взятый из бедной семьи в дом богатого тестя. (Прим. автора.)

«У тебя хороший голос, Дайнас, и ты знаешь много песен. Если ты к этому еще так же хорошо танцуешь, как поешь, – я пойду за тебя замуж. Я – веселая, и ты будешь как раз по моему нраву!»

И запела она сама песню.

Не слыхивал Дайнас таких песен: тяжелая, долгая, смутная, она, точно на медленном огне, припекала его душу, и он сам не знал, что с ним творится, – так от этой песни переполнилось его сердце печалью и жалостью. Казалось ему, что его дивчина хоть и хвалится, что веселая, а нет ее несчастнее никого на свете... Поет девка, а тополь над нею чубом кивает, что зажурившийся казак, а звезды мигают – подумаешь, стряхивают слезы с ресниц. Совсем зажурился Дайнас... но, едва он повесил чубатую голову на грудь, дивчина запела другую песню, да такую живую, быструю, веселую и громкую, что у Дайнаса в ушах зазвенело и душа привскочила, как с переляку¹³. Летела та песня – быстрая, как птица, неудержимая и буйная, как вода, прорвавшая запруду, горячая и жгучая, точно раскаленное железо в домне; летела и била Дайнаса по слуху и сердцу, как ковали колотят молотами по наковальне. Видел и слышал Дайнас: вся сонная степь стала оживать на голос дивчины. Светляки засветили в траве и сделались большие и яркие, как звезды, трава без ветра качалась, как пьяная, и гудела, как народ на сходе; ни одной тучи не было на небе, и зирочки перебегали на нем

¹³ С перепуга. (Прим. автора.)

с места на место, словно хлопцы, когда играют в пятнашки; старый тополь над головой чаровницы весь дрожал и топорщил свои длинные ветви, как будто напряживал всю их силу, чтобы выдрать из черной земли свои корни-змеи и пуститься в пляс, следом за Дайнасом и дивчиной, а они-то давно уже кружились по степи, так что – гон-гон! – земля стонала от топота Дайнасовых подковок.

Крикнул петух на селе. Ярче прежнего засияла дивчина, и бачь, Дайнасе! она уже не по степи пляшет, а поднялась на локоть над травой и реет крылатым мотыльком – сейчас, сейчас улетит!

«Летит?! – закричал Дайнас, – куда? стой! я тебя не пушу!»

И прыгнул, как рысь, ухватился за одежду дивчины и повис так.

«Пусти меня, человек! – рвется дивчина, – меня дома ждут, мое время пришло, моя очередь всходить...»

«Не пушу, – кричит Дайнас, – ты обещала выйти за меня замуж!»

«Эй, пуети, Дайнас! худо будет! не своя воля зовет меня».

Но паробок кошкой вцепился в дивчину, летает вместе с нею по-над степью, точно ястреб с белой чайкой.

«Я тебя с собою унесу!» – грозит дивчина.

«Неси, того только и хочу!» – говорит Дайнас.

«Дурень! Ты не знаешь, кто я и где живу: ведь я – Денница-летавица».

«Мне все равно!»

«Пропадешь ты, как осенняя трава!»

«Нехай так! Что за важность пропасть, если я без тебя и жить-то не хочу? Неси меня, куда хочешь, а я тебя не выпущу!»

Во второй раз пропели петухи на селе. Как крикнет летавица, как рванется – и разом, точно турман, взмыла в позеленевшее от рассвета небо и засияла звездю, высоко-высоко... Вон, хлопче, и посеичас она, синеокая, мерцает там, над белыми облаками, об утреннюю пору... А Дайнас, что взвился было с нею, оторвался от ее одежды и ударился, как мешок, оземь – верст, може, за тысячу от своего села.

Ударился, а жив остался, даром что полетел из-под самых облаков. Встал на ноги – и боли не чует. Ах, казаче! лететь бы тебе снова следом за нею, за красавицей звездю-летавицей, кабы только крылья были!.. Ге! да они есть!.. Рванул-ся Дайнас в воздух – есть крылья! Малые, правда, но ведь и сам-то Дайнас стал невеличек – точь-в-точь как жаворонок, ранняя пташка, что поутру степь будит. Слышишь, хлопче, как заливаются? Скоро солнце выглянет.

«Воротись! воротись! воротись!» – кричал Дайнас, когда поднимался кругами к своей желанной звезде, что его зачаровала и погубила: из человека сделала птицей, – и совсем было уже добрался он до нее, но заря протекла между ними красною рекой, и звезда утонула в ней и стала невидимкой. И напрасно Дайнас с той поры и до нашего века от утренней за-

ри до вечерней мечется по поднебесью, хлопчет-ищет звезду-летавицу – не найти ее: не дано! Только когда, усталый, упадает он на поле в свое гнездо под колосьями, выплывает та звезда на небо и, пока спит Дайнас, сияет ярко; когда же он проснется, увидит ее и полетит к ней – загоразживается от него румяною зарей и тает в ней, как воск в пламени... Так-то, хлопче!.. Эге! Да ты спишь, хлопче?

И точно: убаюканный рассказом, Марко давно спал крепким сном, не чувствуя ни утренней прохлады, ни того, как алое зарево, наполнившее собою небо, степь, Рось. Корсунь и баштан, сделало и его, и деда из смуглых хохлов медно-красными индейцами; не слыша даже, как десятки жаворонков-Дайнасов щебетали в розовой пучине неба, высоко-высоко кружа в нем на вечных поисках прекрасной обманщицы – звезды-летавицы.